
ВОКРУГ КНИГ

EDN: YAUACH

КАЖДОМУ СВОЕ

© 2025 г. Л.Г. Фишман

ДАВЫДОВ Д.А. Невозможность социализма. Левые идеи на службе новых элит. Москва, РИПОЛ классик, 2025. 352 с.

ФИШМАН Леонид Гершевич, доктор политических наук, профессор РАН,
ORCID 0000-0001-5062-8291, lfishman@yandex.ru
Институт философии и права УрО РАН, РФ, 620137 Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Рецензия поступила 20.04.2025. Принята к печати 22.05.2025.

Ключевые слова: социализм, интерсекционализм, левый популизм, посткапитализм, постматериальные ценности.

TO EACH HIS OWN

DAVYDOV D.A. The Impossibility of Socialism. Left-Wing Ideas at the Service of New Elites. Moscow, RIPOL classic, 2025. 352 p.

Leonid G. FISHMAN,
ORCID 0000-0001-5062-8291, lfishman@yandex.ru
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, S. Kovalevskoy Str.,
Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Received 20.04.2025. Accepted 22.05.2025.

Keywords: socialism, intersectionality, left populism, postcapitalism, postmaterial values.

About author:

Leonid G. FISHMAN, Dr. Sci. (Polit.), Professor RAS.

Книга Д. Давыдова посвящена современным левым движениям и дискурсам, а также перспективам реализации левой альтернативы в контексте эволюции современных обществ. В этом отношении она продолжает ряд предыдущих исследований автора¹. В рецензируемой книге Д. Давыдов ставит своей целью обосновать, почему в современном мире невозможен социализм, несмотря на то что движений и политических идеологий, дискурсов, которые так или иначе апеллируют к социалистической идее, много.

Автор сразу оговаривается, что эпатазирующее название его монографии отталкивается от понимания социализма в марксистско-ленинском,

советском духе, как первой стадии коммунизма, в рамках которой начинают преодолеваются классовые антагонизмы. В таком понимании социализм трактуется «почти как синоним к слову “коммунизм”», как “устремленность к равенству, братству, солидарности и справедливости” (с. 11). “Социалистическое общество, по мысли автора... должно быть более гармоничным, нацеленным на уничтожение резких социально-классовых контрастов, а в долгосрочной перспективе — на преодоление классовых антагонизмов” (сс. 11-13). В социалистическом обществе, как можно заключить из книги Д. Давыдова, должны быть предприняты решительные шаги по ликвидации эксплуатации человека человеком, социального неравенства, а также по удовлетворению основных материальных потребностей. И, главное, в обществе должен быть достигнут консенсус, закладывающий основания для дальнейшего движения по пути социального и тех-

¹ Давыдов Д.А. *Личность и государство в теориях посткапитализма: на пути к новой антагонистической общественной формации*. Москва, ЛЕНАНД, 2020; Давыдов Д.А. *Посткапитализм и рождение персонализма*. Москва, РИПОЛ классик, 2021.

нического прогресса — из царства необходимости в царство свободы.

Но именно такой социализм в настоящее время и оказывается недостижимым в силу глубоких изменений, которые претерпевает ныне современное общество. В основе понимания Д. Давыдовым особенностей его развития лежит понятие посткапиталистических общественных отношений, которые, по мнению автора, «не есть нечто сознательно выстраиваемое в результате серии радикальных реформ или политических революций “снизу”. Это новая реальность, которая складывается в рамках старого мира, но не разрывает все связи с прошлым. А лишь способствует постепенному перетеканию власти и влияния от старых элит к новым» (с. 14–15).

В основе авторского замысла — отказ от оптики, согласно которой после капитализма идет некое качественно иное состояние человеческой цивилизации, в котором нет места неравенству, эксплуатации, угнетению, или переходного состояния к нему, в котором все это успешно преодолевается. После капитализма идет так называемый посткапитализм, который содержит в себе новые отношения неравенства, несправедливости и т. д. Посткапиталистические отношения описываются автором в терминах “господства новых элит” (с. 15–17), которые прикрыты социалистической, разнообразной левацкой риторикой. Иными словами, посткапитализм — это не социализм и тем более не коммунизм в традиционном понимании. Это во многом есть выражение политических устремлений новых элит. Отсюда вытекает понимание посткапитализма (или социализма этих новых элит) как строя, в котором неравенство и эксплуатация не исчезнут, а заместятся новыми их формами. Соответственно, автор призывает “не быть обманутыми социализмом” (с. 17).

Вызревание в недрах капитализма потенциально нового общества, вовсе не социалистического, и новых антагонистических классов и является главной причиной коренных различий в понимании социализма в среде современных левых, социалистов.

Новые классы — это довольно широкие социальные группы вроде “креативного класса”, “бобо” (“богемная буржуазия”) и т. д. Общее для них то, что их жизнь протекает в комфортных условиях, они не заняты тяжелым и малоквалифицированным трудом, их основные потребности удовлетворены, они не знают нужды. Поэтому

для них естественно придерживаться так называемых постматериалистических ценностей, весьма далеких от “материалистических” ценностей классов, знакомых с нуждой в привычном понимании. Соответственно, “постматериалистические” левые и социалисты — это не то же самое, что традиционные “материалистические” левые, которые озабочены проблемами, вытекающими преимущественно из экономически и политически фундированного классового неравенства. У этих “новых” левых, принадлежащих к новым элитам, постматериалистические ценности определяют озабоченность теми видами неравенства и угнетения, которые определяются скорее полом и расой, чем классовым статусом. Люди, которые не знают нужды, больше озабочены проблемами окружающей среды, чем новыми рабочими местами. Из постматериалистических ценностей новых элит вытекают определенные мировоззренческие факторы, которым автор уделяет наибольшее внимание. Это идеологемы, реализация которых в практической политике приводит к дроблению социальных низов, трудящихся классов и даже “среднего класса” на многочисленные группы, враждующие друг с другом по причинам расового, гендерного, классового и так далее характера. Политика идентичности таким образом “побеждает социализм” (с. 45), фрагментирует левое движение, класс вытесняется “дискурсом” и т. д. Углубляется раскол между новыми постматериалистическими левыми и старыми материально ориентированными (с. 116). Ввиду своего безбедного материального положения многие постматериалисты могут позволить себе иметь так называемые роскошные убеждения² (то есть не детерминированные напрямую их непосредственными материальными интересами, в значительной мере альтруистические) и жить чуть ли не в соответствии с коммунистическими ценностями. Поэтому их “левый гуманизм становится универсальным в ситуации, когда он должен быть прежде всего классовым” (с. 139).

В условиях формирующегося посткапиталистического строя складывается еще один подвид новых элит — персоналиат, и одновременно появляется его антагонист — имперсоналиат. Перипетии их взаимоотношений, согласно Д. Да-

² Термин Р. Хендерсона (Henderson R. *Luxury beliefs are status symbols. The struggle for distinction. Rob Henderson's Newsletter*, 12.06.2022. Available at: <https://www.robkhenderson.com/p/status-symbols-and-the-struggle-for> (accessed 21.05.2025)).

выдову, содержат в зародыше суть грядущей посткапиталистической общественной формации, которая не менее антагонистична, чем прежние.

Чем характеризуется, согласно автору, это общество в социальном плане? В первую очередь, переплетением различных видов индивидуалистических стратегий и ориентаций, не обязательно привычных “буржуазных”. В эпоху зарождающегося посткапитализма “на смену потребительскому индивидуализму приходит индивидуализм экспрессивный”³ (с. 96). Большую роль играет «стремительное расширение как различных вариантов и конфигураций построения персональной идентичности, так и свободы индивидуального выбора ролевых практик, позволяющих максимизировать полезность принадлежности к тем или иным группам... Такое расширение свободы индивидуального выбора привело к многочисленным противоречиям, которые превратили изначальную “левую” борьбу за инклюзивность, равенство и справедливость в привычную индивидуалистическую “войну всех против всех”» (с. 94). Постматериалистические же ценности новых привилегированных социальных групп лишь углубляют индивидуализм. В этих условиях традиционная ориентация на материальные ценности становится последней преградой на пути многообразного индивидуализма (с. 97). Давыдов полагает, опираясь на тенденции, характерные для Америки и Европы, что “общий прогресс улучшит качество жизни, позволяя минимизировать время пребывания в капиталистическом мире труда, зарабатывания денег и консьюмеристского благополучия” (с. 115). В описанной атмосфере формируется “посткапиталистическая вселенная”, «в рамках которой люди создают сетевых “себя”, борются за внимание и делают это не только ради денег, но и ради удовольствия от статуса» (с. 106). Иными словами, новое общество, несмотря на то, что оно уже не совсем “буржуазное”, есть не в меньшей степени расколотое “общество достижения” (с. 107). Хотя это общество еще не сложилось в полной мере, уже сформировался его зародыш из двух

антагонистических классов. Первый из них — персоналиат, который “находится в авангарде посткапиталистической трансформации” (с. 257). Вторым — имперсоналиат. Они оба формируются в контексте современной “экономики творчества”, в которой множество писателей, музыкантов, художников и т. д. борются за дефицитный ресурс — внимание. Специфика же этой экономики заключается в недискретности достижений: либо все, либо ничего (или почти ничего) (с. 282). Иначе говоря, на долю ничтожного меньшинства преуспевающих, вырвавшихся на вершины рейтингов медиаперсон достается львиная доля внимания и доходов, в то время как жаждущие того же многочисленные представители имперсоналиата получают жалкие крохи.

Из описанной выше расстановки классовых сил и тенденций в политико-идеологическом плане вытекают следующие явления.

А. Интерсекционалистская повестка, с точки зрения которой социальное неравенство и эксплуатация рассматриваются как феномены на стыке проблематики расы, гендера и класса. Несмотря на попытки примирения и синтеза этой повестки с универсализирующим взглядом ортодоксального марксизма, они терпят неудачу уже на уровне теории. На практике же результаты давно очевидны: торжество “политики идентичности” и прочих проявлений “прикладного постмодернизма”. Последние не только формируют общую атмосферу подозрительности по отношению к предполагаемым “угнетателям” и “микроагрессорам” разного рода, но и втягивают самих притесняемых и угнетенных постоянно выяснять, кто угнетен и притесняем более, а кто — менее. В конечном счете, заключает Давыдов, «современная политика идентичности не приближает, а отдаляет предполагаемое состояние солидарности и диалога всех левых сил, так что ее вполне можно обозначить как новый этап “войны всех против всех”» (с. 72).

Б. Экологический алармизм и связанные с ним утопические проекты. Автор указывает на дороговизну и спорность (с точки зрения степени вреда окружающей среде) ряда экологических проектов и концепций левых энвайроменталистов, таких как концепция “дероста”, “полуземного социализма” и т. д. Он констатирует, что “энвайроменталистские дискурсы все чаще противостоят не столько капитализму, сколько друг другу” (с. 231). В конечном счете получается, что нельзя эффективно, удовлетворив все по-

³ “Экспрессивный индивидуализм” — концепт Ч. Тейлора, используемый К. Трумэном, на работы которых Д. Давыдов ссылается в своем исследовании (Taylor C. *A Secular Age*. Cambridge, Harvard University Press, 2007; Trueman C.R. *The Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution*. Wheaton, IL, Crossway, 2020).

желания, совместить заботу о природе и нуждах трудящихся (с. 243), потому что «осуществимость быстрого энергетического перехода подразумевает неосуществимость всего того, за что боролись старые левые “материалисты”, отстаивающие интересы бедных и социально уязвимых» (с. 230). «Мы, — пишет Давыдов, — наблюдаем серьезный ценностный разрыв между традиционными приоритетами левых... и стремлением максимально сохранить природу и видовое разнообразие “не-человеческих существ”» (с. 349).

В. Левый популизм. Его ключевая особенность — “в попытках объединить всех угнетаемых и эксплуатируемых в борьбе против капиталистической гегемонии”, нередко в интересекционалистском духе (с. 294). Предполагается, что понимаемый в таком духе социализм должен преодолеть всяческое неравенство и угнетение (с. 301). Однако всеохватность утопических претензий современного социализма — это набор “ловушек”. В конечном счете попытка нарисовать амбициозные утопии, например утопия общества “посттруда” в духе Н. Срничек и Х. Хестер (сс. 310-312), в которой ценность свободы от труда явным образом противоречит ценности заботы о других, выглядит как игра с нулевой суммой. Таким образом, делает вывод автор, если исходить из левой политической теории, можно “усомниться в сочетаемости интересов тех групп, которые, по идее, должен объединить под своим крылом левый популизм” (с. 313). Если кто и получает от них выгоду, так это те, кто объективно борется “фактически за привилегии или свою личную свободу от нужды”. Они хитро стремятся “заманить часть бедных и социально уязвимых” в ловушку левого популизма (с. 315).

Также возникает ситуация, когда правые становятся “левее левых”, то есть когда интересы и взгляд на общественные проблемы части старых буржуазных классов, их материалистические ценности совпадают с таковыми у части старых эксплуатируемых, трудящихся классов, которые оказываются в одной лодке уходящего чистого капитализма. В то же время современные леваки зачастую оказываются равнодушными к чаяниям и нуждам этих трудящихся (вроде “реднеков”), уделяя значительно большее внимание своей повестке. На этом и играют правые популисты вроде Трампа.

Подводя итог, можно заключить, что в теоретической оптике Д. Давыдова современные общества описываются как быстро продвига-

ющиеся к состоянию посткапитализма. Посткапитализм пока не восторжествовал, но уже существует как влиятельная “добавленная реальность” к капитализму в обществах, расколотых на множество групп с нередко взаимоисключающими интересами. Значительные социальные группы начинают жить некапиталистическими ценностями, тогда как до свободы от материальной нужды в масштабах человечества еще очень далеко. При этом общества становятся “культурно богаче” ввиду постепенного роста материального благосостояния и технологического прогресса, что само по себе создает почву для культурного разнообразия, ценностных противоречий и межгрупповых конфликтов (с. 45). Все это создает многочисленные разломы, когда под социализмом понимаются взаимоисключающие проекты. Создается почва как для социализмов новых элит, так и для социализмов беднейших слоев населения. «Слово “социализм” сегодня фактически стало не столько даже пустым означаемым, сколько означаемым крайне разные или диаметрально противоположные вещи» (с. 320). Единственная рациональная стратегия в такой ситуации — бороться каждому за свое, а не рассчитывать на общее “светлое будущее”.

Многие черты настоящего, феномены и трансформации современных обществ, на которые указывает Д. Давыдов, заслуживают пристального внимания. Несомненным достоинством книги является широта охвата современной литературы, что позволит читателю составить представление о различных сторонах современной западной левой мысли. Тем не менее не все сказанное в книге выглядит бесспорным и непротиворечивым.

Следует отметить некоторую непоследовательность и противоречивость позиции автора относительно “невозможности социализма”. Д. Давыдов признает, что, поскольку даже в теории понятий социализма много, считать невозможным следует только некий единый социализм, “выгодный для всех” (с. 321), тогда как другие виды социализмов оказываются вполне возможны. Но, строго говоря, некий единый и выгодный для всех социализм (не коммунизм!) всегда существовал только в воображении некоторых утопистов. Реальный социализм, в первую очередь в представлениях марксистов, изначально представлял как строй, *в принципе не удовлетворяющий всех и каждого*, а также усеянный “родимыми пятнами” прошлого, того же капи-

тализма. И сегодня наличие, например в Китае, сильных элементов капитализма вовсе не является решающим аргументом в пользу того, что в этой стране, по мнению автора, не социализм, а капитализм (с. 316). С точки зрения марксизма-ленинизма элементов капитализма может быть сколько угодно, но характер общественного строя определяет та или иная форма “диктатуры пролетариата”, сохранения политического контроля коммунистов над экономикой. Социализм не обязан и не может, *как, к слову, и предсказываемый автором посткапитализм*, быть девственно чистым и полностью свободным от капиталистических и иных унаследованных от прошлого элементов. Да и в целом удивительно, что разного рода современные левацкие теории, при всей их противоречивости, автор считает социалистическими, а теорию и практику ряда стран такой чести не удостоивает. Почему-то тут у автора торжествует принцип биполярности, согласно которому жестко разводятся социализм и капитализм, тогда как в других случаях, например рассуждая о социальной структуре современных обществ, он его отвергает⁴.

Порой возникает впечатление, что автор слишком резко разводит старых материалистических левых, марксистов ортодоксального толка и новых левых — постматериалистических. Позиция старых левых сводится к стремлению удовлетворить материальные потребности трудящихся, обездоленных, вообще следовать их интересам, а позиция новых левых — к навязыванию утопических универсалистских проектов, далеких от чаяний реальных людей. В связи с этим надо подчеркнуть, что между социализмом современных постматериалистов-экологистов и, например, классическим марксизмом остается преемственность на глубинном уровне. *Классический марксизм, как и следующий ему марксизм-ленинизм, не столь уж “материалистичен”*. Он отнюдь не заикливается на удовлетворении классовых потребностей пролетариев и прочих трудящихся, а нацелен на нечто гораздо более универсальное, касающееся всего человечества, — коммунизм. И вообще, как говорил В. Ленин, сами по себе рабочие могут выработать только тред-юнионистское сознание, а вовсе не социалистическое⁵. Удовлетворение желаний

пролетариев и прочих трудящихся — не главное, а часто и просто вредное, мещанское потворство несознательным элементам.

По мере разочарования в рабочем классе, у части левых возникает потребность реактуализировать этот универсальный элемент левого мировоззрения. Но в силу исторических обстоятельств место коммунизма занимает сохранение жизни на Земле как не менее значимая универсальная ценность. Конечно, реактуализированный левый универсализм в очередной раз вступает в противоречие с лозунгами “материалистических” левых старого образца — ревизионистами и оппортунистами с ортодоксальной точки зрения. Но это означает, что как раз отверженные постматериалистическим ценностям утописты в определенном смысле оказываются ближе к некоему “выгодному для всех” социализму, чем их материалистические оппоненты.

Д. Давыдов констатирует дискурсивный раскол левого движения по разным мировоззренческим, идеологическим, культурным основаниям, но уделяет гораздо меньше внимания причинам, лежащим, если использовать марксистско-ленинскую терминологию, в сфере “базиса”. Он просто констатирует “классовый калейдоскоп” (с. 19), не пытаясь рассмотреть причины такого дробления социальной структуры современных обществ. Поэтому возникает впечатление, что все эти теоретики современного социализма, левого популизма, прикладного постмодернизма недопонимают чего-то важного. Но, возможно, они напротив, весьма адекватно отражают реалии обществ, в которых они живут.

Общество, относительно которого утверждается “невозможность социализма”, описывается в общих чертах как “богатое и разнообразное”, а “чем общество богаче и разнообразнее, тем труднее людям находить общие ценностные ориентиры для объединения” (с. 45–46). Но что это за “богатое и разнообразное” общество? Какова его экономическая, технологическая, политическая и геополитическая основа? Постмарксистская оптика, используемая и самим автором, видимо, затрудняет постановку вопроса “классическим” образом. Внимание уделяется в основном технологическому аспекту, и то преимущественно в плане информационных технологий.

Как бы то ни было, картина настоящего и будущего у Д. Давыдова основана на допущении, что наиболее “богатые и разнообразные” обще-

⁴ “Настоящая книга задумывалась с одной целью: показать, что та структура, которую многие исследователи все еще видят бинарной, обманчива” (с. 317).

⁵ Ленин В.И. *Что делать?* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 6, с. 30.

ства (Америка, Европа) в обозримом будущем останутся в своем прежнем состоянии. Вопрос заключается в том, что это за состояние и какова вероятность того, что оно продлится надолго. От этого зависит степень актуальности сделанных автором монографии выводов относительно тенденций в политико-идеологической сфере современного Запада.

С нашей точки зрения, это состояние, если угодно, преждевременного, ложного, паразитического постиндустриализма, которое сопровождается характерными изменениями как в социальной структуре, так и в политико-идеологической сфере. Сразу оговоримся, что употребление нами термина “постиндустриальный” не означает, что мы придерживаемся теории “постиндустриального общества”, которая на протяжении последних десятилетий была не раз подвергнута убедительной критике. Однако теория эта возникла не на пустом месте. Некоторые страны действительно перешли к своего рода постиндустриализму, но не потому, что они *сами, на своей собственной технологической основе* достигли состояния, в котором происходит переход от экономики, основанной на промышленном производстве и производстве материальных товаров, к экономике, основанной на информационных технологиях, знаниях и услугах. И действительно с формальной точки зрения в таком обществе обнаружился ряд феноменов, которые *могли бы появиться* в результате, условно говоря, замещения труда людей трудом роботов и т. д. Но постиндустриализм такого рода покоился не на прочном технологическом основании, не на достигших определенного уровня “производительных силах”, а на гораздо более преходящем неоимпериалистическом превосходстве Западного мира. Переход к нему произошел в силу глобального разделения труда, в результате которого промышленное производство из стран Запада было в значительной мере перенесено в Китай и другие страны “Третьего” и “Второго” мира. В то же время, в странах “Первого” мира деиндустриализация сопровождалась ростом финансового сектора, сферы услуг, “креативного класса” и прочих подобных явлений, благодаря которым заговорили о постиндустриальном обществе. Таким образом, развитые “постиндустриальные” страны стали превосходить, в том числе по уровню комфорта, многие из стран “внешнего” мира, но ровно настолько, чтобы жить за счет вынесения издержек вовне.

Таков современный нам паразитический “постиндустриализм”. Он создал в некоторых обществах раздутую сферу услуг, “дерьмовых работ” (по меткому выражению Д. Гребера⁶), а также толстую прослойку людей, которые не нужны в экономике производства материальных благ, но чье количество избыточно для производства музыки, книг или картин. Можно с большой долей уверенности утверждать, что именно положение США и Европы⁷ на вершине неолиберального глобализованного мира создает ситуацию, когда лояльность такого населения поддерживается во все большей степени перераспределением ренты, полученной вследствие такого неоимпериалистического доминирования. Благодаря этой распределяющейся по разным социальным слоям в разной степени ренте и стало возможным широкое распространение постматериалистических ценностей, “овладевших массами” и превратившихся в политическую силу. *Политика идентичности, интерсекционализм и другие описываемые Д. Давыдовым дискурсы и практики являются одной из главных форм обоснования перераспределения этой ренты* в обществе, где снижено значение промышленного капитала, в силу чего снижено и значение перераспределения по принципу военной и экономической полезности граждан. При этом Д. Давыдов акцентирует внимание на, если так можно выразиться, проблемах брошенных преждевременным постиндустриализмом и постматериализмом социальных групп, которым в социализме привилегированных слоев нет места и которым поэтому приходится прислушиваться к консерваторам вроде американских республиканцев.

⁶ Гребер Д. *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2020.

⁷ Неслучайно в книге Д. Давыдов ссылается по большей части на американских авторов, анализирующих американский же опыт. Он признает, что его концепция построена на данных преимущественно из США, которые “экстраполируются и на большую часть современного Запада” (с. 269). Это опыт “наивного”, пронизанного постматериалистическими ценностями креативного класса с “роскошными убеждениями”, как бы противоречащими непосредственным интересам этого класса (с. 132). Но тут следует заметить, что если отдельные убеждения выглядят противоречащими интересам отдельных групп или индивидов этого класса, то в целом они отвечают потребности сохранения самого принципа перераспределения “паразитических” рент *между теми, чья экономическая полезность спорна, но важна политическая*. То есть это нормальная политика в интересах класса или конфигурации классов в целом.

Проблема заключается в том, что когда паразитический “постиндустриализм” рушится отчасти сам по себе, отчасти усилиями новой американской администрации, может получиться так, что в книге “Невозможность социализма” описана уходящая натура. Что, если рассуждения о посткапитализме окажутся только миражами минувших времен, а посткапиталистические отношения и уклады отодвинутся на периферию, уступив место чему-то попроще и поглубже — неокейнсианскому регулированию, неоиндустриализму и т. д., которым соответствует более архаичная социальная структура, скорее напоминающая середину прошлого века? Если новое руководство Америки нацелено на то, чтобы вернуть промышленное производство в страну, а также избавиться от разного рода паразитирующих на бюджете социальных групп и организаций, то это ставит под угрозу экономическую, классовую, социоструктурную основу дробящихся общество левых и социалистических дискурсов и практик.

Тем не менее все сказанное не значит, что книга Д. Давыдова запоздала. Протекающие ныне процессы трансформации обществ, дальше всех зашедших по пути мнимого постиндустриализма, не могут быть мгновенными *и вести к однозначным результатам*. США могут пытаться избежать издержек этого процесса за счет полной переориентации Европы на свой рынок сбыта, что на какое-то время сохранит их положение “богатого и разнообразного общества”. Кроме того, в текущей ситуации, по-видимому, полноценный возврат промышленности в Америку невозможен и приведет к тому, что “вернутся не элитные рабочие места, которые никуда

не уезжали, а низкооплачиваемые, с тяжелыми условиями труда. Поэтому шансы на то, что простые американцы станут жить лучше, даже при наиболее благоприятном раскладе близки к нулю”⁸. Иными словами, группы населения, основой благосостояния которых являются глобалистские ренты, ничего равноценного в качестве компенсации не получают. С их стороны логичной будет борьба за сохранение старого порядка, в которой их поддержат сохранившие свое положение “постматериалисты” и их политико-идеологические представители. Тогда возможны смены политического курса и откаты назад. В этом случае актуальность проблематики, поднимаемой автором, сохранится еще надолго. Не следует сбрасывать со счетов и перспективу возвращения этой актуальности в будущем. В конце концов ставка нынешнего руководства США на технологическое лидерство⁹, на дальнейшее развитие технологий может привести к становлению *подлинного постиндустриализма* на адекватной технологической основе. А это вполне способно вернуть интерес хотя бы к части тех утопических проектов, которые сегодня расцвели на почве постиндустриализма преждевременного. И вполне возможно, что интерес этот вернется на волне обострения, как пишет Д. Давыдов, борьбы “каждого за свое”.

⁸ Долженков А. *В тарифной войне нарисовалась жертва, и это не Китай*. Available at: <https://monocle.ru/monocle/2025/16/v-tarifnoy-voynе-narisovalas-zhertva-eto-ne-kitay/> (accessed 18.04.2025).

⁹ Davis K. *Trump is redefining, not abandoning, American soft power. Trump isn't retreating from US global leadership but rather pivoting toward a more results-oriented approach*. Available at: <https://asiatimes.com/2025/04/trump-is-redefining-not-abandoning-american-soft-power/#> (accessed 18.04.2025).